

УДК 159.9:316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-155-172

Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструктор и опросник

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. Изучение религиозной радикализации является важным аспектом противодействия разжиганию вражды и пропаганде насилия среди российской молодежи. Современные научные представления о религиозной радикализации характеризуются многоплановостью теоретических и методологических оснований. Концепции радикализации разрабатываются в теоретическом ключе, не всегда подвергаясь операционализации. Как следствие, не представлена модель (конструктор) радикализации, применимая для создания инструментов ее психологической диагностики.

Целью исследования выступают верификация теоретической модели религиозной радикализации и разработка на ее основе опросника для измерения риска религиозной радикализации молодежи через изучение отношения к религии и верующим.

Предполагается, что религиозная радикализация формируется под влиянием социального окружения на представления субъекта о значении религии и верующих для общества и государства. На основе анализа теоретических знаний о радикализации, фактов и сведений о деятельности деструктивных религиозных и экстремистских сообществ предлагается модель религиозной радикализации, включающая шесть убеждений: об исключительной значимости религии, религиозных лидеров и верующих (сакрализация и клерикализация), необходимости защищать их от изменений, вмешательства неверующих либо представителей другого вероисповедания (фундаментализм и ксенофобия), поддерживать отношения только с представителями конкретного религиозного объединения, в том числе в вопросах образования, культурного и социального развития, игнорировать или не соблюдать обязанности, законы и правила (социализация и дискриминация).

Методология, методы и методики. Методологическим основанием исследования выступают социально-психологический подход в изучении познания человеком общества (Г. М. Андреева), эмпирические концепции религиозной радикализации индивида и группы (А. W. Kruglanski, N. Ellemers, A. R. Schmidt, и др.).

Эмпирическое исследование нацелено на проверку теоретической модели религиозной радикализации; разработку и верификацию опросника для изучения риска религиозной радикализации.

Методом сбора информации выступает анкета «Религиозная радикализация», структурно соответствующая теоретической модели радикализации, включающая 90 вопросов, сгруппированных в шесть шкал, а также индикаторы религиозного самоопределения и религиозного поведения.

Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, корреляционный, однофакторный дисперсионный анализ и конфирматорный анализ.

Выборка исследования: 874 человека, разделенных на российскую (n=336 человек), киргизскую (268 человек) и узбекскую (n=270 человек) подвыборки молодежи.

Результаты: посредством конфирматорного факторного анализа результатов опроса национальных выборок скорректирована теоретическая модель радикализации молодежи. Определено, что наилучшими структурными характеристиками для российской выборки обладает трехфакторная эмпирическая модель ($\chi^2=216,5$, $df=87$, $p<0,0001$, $RMSEA=0,067$, $p=0,008$ ($RMSEA\ CI\ 90\% = 0,056-0,078$), $CFI=0,949$, $TLI=0,95$). Модель состоит из трех шкал теоретической модели («Клерикализация», «Дискриминация», «Ксенофобия»), но включает утверждения из других шкал теоретической модели («Сакрализация», «Фундаментализм», «Социализация»).

Вторым результатом стала верификация опросника для изучения риска религиозной радикализации российской молодежи. Опросник состоит из 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы, обладает удовлетворительными показателями надежности по критерию внутренней согласованности и интеркорреляциями (Кронбах α «Клерикализация» = 0,89, $r=0,63$, $p<0,001$; «Дискриминация» = 0,76, $r=0,38$, $p<0,001$; «Ксенофобия» = 0,81, $r=0,46$, $p<0,001$).

Научная новизна. Полученные данные расширяют представление о социально-психологических предпосылках религиозной радикализации, демонстрируют совокупность убеждений, которые могут побуждать к нетерпимому отношению молодежи к религии и верующим.

Практическая значимость. Представленная методика может использоваться в научно-исследовательских целях изучения предпосылок религиозной радикализации молодежи.

Ключевые слова

радикализация, религиозный экстремизм, психология экстремизма, диагностика радикализации, ксенофобия

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2023). Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструкт и опросник. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 155–172. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-155-172.

Original paper

Measuring the risk of religious radicalisation of young people: construct and questionnaire

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Abstract

Introduction. The study of religious radicalisation is an important aspect of counteracting the incitement of hostility between different groups and communities and reducing the level of violence in Russian society. Modern scientific ideas are characterised by multiple meanings that do not effectively counteract the negative impact on young people's attitudes towards religion and the believers. Academic literature describes concepts and models of radicalisation that differ in theoretical and methodological foundations, based mainly on the material of foreign studies. This situation makes it impossible to develop a construct of radicalisation that could be operationalised for diagnosing the risk of religious radicalisation of Russian youth.

The purpose of the research is to verify the theoretical model (construct) of religious radicalisation, as well as to develop a questionnaire based on it, which makes it possible to measure the risk of religious radicalisation of young people through the study of attitudes towards religion and believers.

It is supposed that religious radicalisation is formed under the influence of the social environment on the subject's perceptions of the importance of religion and believers for society and the state. Based on the analysis of theoretical knowledge about radicalisation, facts and information about the activities of destructive religious and extremist communities, a model of religious radicalisation is proposed, including six statements: about the exclusive importance of religion, religious leaders and believers (sacralisation and clericalisation), the need to protect them from changes, interference of non-believers or representatives of another religion (fundamentalism and xenophobia), to maintain relations only with representatives of a particular religious association, including in matters of education, cultural and social development, ignoring or failing to comply with obligations, laws and regulations (socialisation and discrimination).

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the research is the socio-psychological approach in the study of human cognition of society (G.M. Andreeva), empirical concepts of religious radicalisation of individuals and groups (A.W. Kruglanski, N. Ellemers, A. R. Schmidt, etc.).

The empirical research is aimed at testing the theoretical model of religious radicalisation; development and verification of a questionnaire to study the risk of religious radicalisation.

The method of data collection is the questionnaire «Religious radicalisation», structurally corresponding to the theoretical model of radicalisation, including 90 questions grouped into six scales, as well as indicators of religious self-determination and religious behaviour.

Results processing method: descriptive statistics, correlation, one-factor analysis of variance and confirmatory analysis.

Research sample: 874 people divided into Russian (n=336 people), Kyrgyz (268 people) and Uzbek (n=270 people) sub-samples of young people.

Results: by means of confirmatory factor analysis of the results of the survey of national samples, the theoretical model of youth radicalisation was corrected. A three-factor empirical model was found to have the best structural characteristics for the Russian sample ($\chi^2=216.5$, $df=87$, $p<0.0001$, $RMSEA=0.067$, $p=0.008$ ($RMSEA\ CI\ 90\% = 0.056-0.078$), $CFI=0.949$, $TLI=0.95$). The model consists of three scales from the theoretical model ('Clericalisation', 'Discrimination', 'Xenophobia') but includes statements from other scales from the theoretical model ('Sacralisation', 'Fundamentalism', 'Socialisation').

The second result was the verification of a questionnaire to study the risk of religious radicalisation among Russian youth. The questionnaire consists of 15 statements, grouped into three scales, has satisfactory reliability values according to the internal consistency criterion and intercorrelations (Cronbach's α «Clericalisation» = 0.89, $r=0.63$, $p<0.001$; «Discrimination» = 0.76, $r=0.38$, $p<0.001$; Xenophobia = 0.81, $r=0.46$, $p<0.001$).

Scientific novelty. The received results expand the idea of socio-psychological preconditions of religious radicalisation, demonstrate a set of beliefs that can stimulate intolerant attitude of young people to religion and believers.

Practical significance. The presented methodology can be used for research purposes to study the preconditions of religious radicalisation of young people.

Keywords

radicalisation, religious extremism, psychology of extremism, radicalisation diagnosis, xenophobia

For citation: Zlokazov, K. V. (2023). Measuring the risk of religious radicalisation of young people: construct and questionnaire. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 155–172. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-155-172.

Актуальность исследования религиозной радикализации обусловлена несколькими предпосылками: во-первых, необходимостью гармонизации отношений между сообществами, различающимися своим отношением к религии и вероисповеданием; во-вторых, предупреждением правонарушений и преступлений экстремистской и террористической направленности, основанных на чувствах вражды и ненависти к верующим; в-третьих, необходимостью морального и нравственного развития российской молодежи, воспитания традиционных ценностей, гражданственности и патриотизма.

Повышение уровня религиозной радикализации молодежи способствует росту правонарушений и преступлений, совершаемых как верующими, так и в их отношении. Психологические исследования показывают, что даже согласие с радикальными идеями приводит к оправданию насилия и одобрению действий людей, которые его совершают. Опираясь на результаты мета-анализа исследований радикализации, М. Wolfowicz и соавторы утверждают, что поддержка радикальных идей молодежью является одним из этапов формирования у них готовности к применению насилия (Wolfowicz et al., 2020), поскольку в молодежной среде радикальные идеи легитимизируют насилие и побуждают агрессию к окружающим людям. В то же время, согласно позиции R.Ghosh и коллег, радикализация в отношении вопросов веры и религии может приводить к фор-

мированию острых и длительных социальных конфликтов (Ghosh et al., 2017).

Задачи предупреждения религиозной радикализации актуализируются в современных условиях расширения возможностей коммуникации и развития интернет-технологий использованием деструктивными религиозными, экстремистскими и террористическими сообществами мультимедийных и цифровых технологий для вовлечения молодежи в антиобщественную деятельность (Тагильцева и др., 2022).

Для организации превентивной работы с молодежью требуется применение эффективных методов психологической диагностики. Однако в российской практике при наличии методик, измеряющих предрасположенность личности к экстремистскому поведению (Давыдов, Хломов, 2017; Ситяева, Яремчук, 2019), недостаточно инструментов, определяющих предпосылки радикализации молодежи, в том числе по религиозным основаниям. Отчасти этому способствует отсутствие соответствующего теоретического конструкта. Поэтому в данной статье нами представляются результаты теоретического анализа научных взглядов на радикализацию молодежи, в ходе которого создана и эмпирически верифицирована теоретическая модель факторов риска радикализации.

Исследование осуществлено не только на российской выборке, в нем участвовали представители киргизской и узбекской молодежи. Обращение к этим национальным группам обусловлено, во-первых,

существенным значением, которое религия имеет для населения данных стран; во-вторых, негативным влиянием сообществ, искажающих представление киргизской и узбекской молодежи о религии и использующих его в экстремистских целях (Kuchkarov, 2020; Matveeva, 2018). Наконец, в этих странах был проведен первичный этап исследования (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022), в ходе которого была разработана первая версия модели религиозной радикализации и осуществлена ее операционализация. Полученный исследовательский опыт и собранный материал использовался при разработке российского варианта опросника.

Структура статьи соответствует ее цели и задачам. В теоретической части анализируются концепции религиозной радикализации и синтезируются представления о ее предпосылках. В эмпирической части верифицируется теоретическая модель и осуществляется эмпирическая проверка опросника риска радикализации. В завершающей части работы обсуждаются перспективы использования модели, возможности и направления использования актуализированной версии опросника религиозной радикализации.

Теоретические предпосылки исследования. Предпосылки религиозной радикализации объясняются несколькими теориями и концепциями, построенными на разных методологических основаниях, восходящих к единому феномену социальной интеграции молодежи в общество. К конкретным причинам радикализации причисляют неудачи в самопознании и построении социальной идентичности, изменения в представлениях о религии и верующих под влиянием социального окружения.

Каждая из причин имеет теоретическую аргументацию и достаточную эмпирическую поддержку. Так, проблемы построения образа «Я» на этапе социальной интеграции связываются с активным поиском групп и сообществ, упрощающих данный процесс (Roffey & Boyle, 2018). Поскольку радикальные сообщества учитывают данную особенность, они предоставляют своим участникам возможность построения социальной идентичности, к тому же удовлетворяющей потребность в признании и социальном одобрении (Kruglanski et al., 2018). По мнению Е. В. Рягузовой, причинами радикализации выступает утрата личностью собственного «Я». Неполноценный образ себя (образ «Я») замещается образом участника группы (образ «Мы»), становясь основой самосознания и мировосприятия. В результате гипертрофии «Мы» молодой человек утрачивает способность чувствовать другого и сопереживать ему (Рягузова, 2021).

Исследования формирования социальной идентичности молодежи указывают также на связь радикализации с неудачами в построении представления о себе (Hogg, 2021). Так, В. Altemeyer отмечает, что исламская молодежь европейских стран характеризуется высоким

уровнем религиозного эгоцентризма (Altemeyer, 2009). Причинами этому являются не только особенности вероисповедания, но, в первую очередь, противоречия в социальной идентификации мусульман-мигрантов и их сверстников-европейцев. Поскольку религия выступает основой самоопределения для мусульманской молодежи, в их представлении религиозная принадлежность выступает основанием для отнесения к категориям «Мы» и «Они» и, вслед за этим, – формированием отношения. Радикальное отношение заключается в признании и поддержке «своих» при нетерпимом или даже враждебном отношении к «чужим» (Карпетян, Тагильцева, 2017). В концепции социального влияния на радикализацию, предложенной А. Beelmann, предпосылками радикализации обозначены предрассудки в восприятии других людей, высокая религиозность, антисоциальные установки и опыт криминального поведения (Beelmann, 2020).

”

Повышение уровня религиозной радикализации молодежи способствует росту правонарушений и преступлений, совершаемых как верующими, так и в их отношении. Психологические исследования показывают, что даже согласие с радикальными идеями приводит к оправданию насилия и одобрению действий людей, которые его совершают

“

Важно подчеркнуть, что неудачи в построении социальной идентичности и радикальная религиозность проявляются у верующей молодежи с консервативными и фундаменталистскими взглядами. Так, Bartlett с соавторами приходят к выводу о том, что несоответствие норм поведения мусульманина европейскому образу жизни вызывает враждебное отношение к нему у молодежи (Bartlett, Birdwell, & King, 2010).

Влияние группы на радикализацию ее участников неоднократно подвергалось изучению. Как правило, к механизмам влияния относят давление группы на ее участника, заключающееся в призывах и убеждении (в том числе и угрозах) либо манипулировании

членством в группе. Все эти действия осуществляются под руководством лидеров и высокостатусных участников, а низкостатусные участники, как и новички, содействуют им в совершении правонарушений. Следует отметить, что подобный механизм более характерен для контактных групп и практически не встречается в виртуальных сообществах.

Более эффективным механизмом воздействия радикальной группы на ее участников является идеология. Она формирует образ врага, против которого нужно бороться, и предлагает средства, которыми это необходимо делать. Как отмечает А. W. Kruglanski, радикальная идеология дает участникам группы чувство принадлежности, значимости и уверенности (Kruglanski et al., 2018). Идеология является одним из важных атрибутов радикальных групп, поскольку именно она представляет смысл их существования (Bélanger et al., 2019). Во-первых, она позволяет им выстраивать групповую идентичность, отделяя собственную группу от других групп, и обеспечивает самоопределение. Во-вторых, идеология выполняет ценностно-ориентационную функцию, определяя цели участников группы и выбор средств их достижения.

Установлено, что радикальная религиозность сопровождается противоречиями и конфликтами в межличностных отношениях. Они возникают не только вследствие изменения образа жизни верующего, но и в связи с несогласием родственников и близкого социального окружения с изменением представлений о религии. Предложенная N. Ellemers концепция объясняет данный конфликт, описывая отношения между индивидом и группой (Ellemers, Spears, & Doosje, 2002). Индивиду с высокой религиозностью нерелигиозная группа, участником которой он является, не будет казаться референтной, а членство в ней – важным. Более того, он будет активно искать группу, соответствующую его мнению о религии. Второй вариант развития конфликта связан с совпадением религиозности индивида и группы. Следуя логике N. Ellemers, высокая религиозность индивида, включенного в группу с высокой религиозностью, только усиливается с течением времени. Из-за противоречий с менее религиозными группами участники этой группы будут опираться на религиозные убеждения друг друга в качестве одного из факторов поддержания собственной независимости и, одновременно с ней, увеличения внутригрупповой сплоченности.

Подводя итоги описания психологических аспектов радикализации, отметим, что в настоящее время в академической литературе представлено значительное количество концепций и моделей (Бовина, Бовин, Тихонова, 2020). В изучении радикализации используются положения теорий социального познания, через призму которой описываются процессы построения

индивидуальных представлений о себе, других людях, социальных группах и обществе в целом, отношения к религии, вере и верующим.

Социальное познание разворачивается в предметном поле интеграции молодежи в обществе. Социальная интеграция описывается в нескольких контекстах: а) как процесс формирования мировоззренческой позиции относительно места и значения религии в жизни общества, а также определения собственного отношения к религии; б) как результат взаимодействия молодого человека с религиозными группами и сообществами. К причинам радикализации относят проблемы социальной интеграции, в числе которых фрустрация потребностей в признании и уважении, принадлежности к определенным социальным группам и сообществам. Индикаторами проблем, используемыми для выявления риска радикализации, выступают трудности и неудачи социального взаимодействия, переживания, связанные с неопределенностью личностной и социальной идентичности, чувство отчужденности.

Однако, наряду с проблемами социальной интеграции, радикальное поведение может быть обусловлено сверхценным отношением молодежи к религии. Оно основывается на представлении о значимости и важности религии для общества, убежденности в особой роли верующих и религиозных лидеров для общества и государства. Изучение данных предпосылок радикализации выступает предметом нашего исследования.

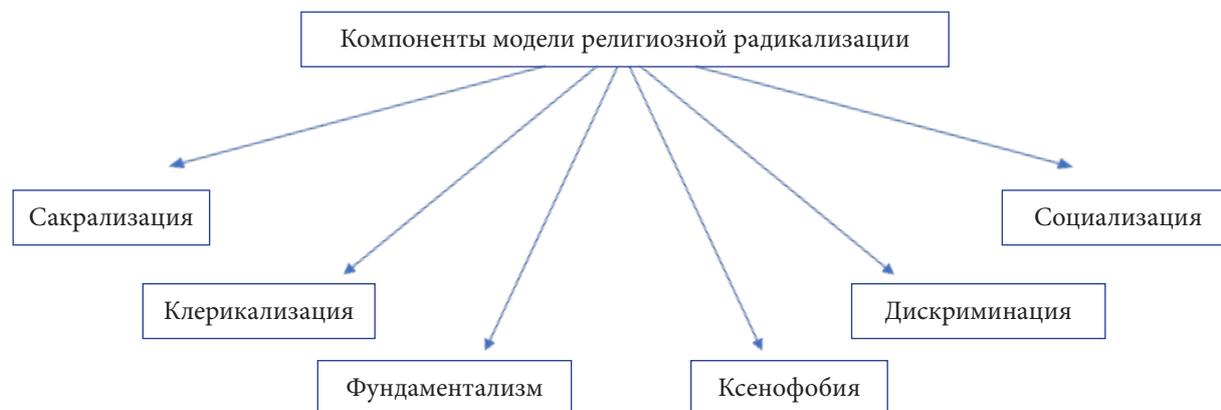
Представления о роли и значении религии в обществе как предпосылки радикализации. В ряде стран мира религия выступает ценностным основанием взаимодействия молодежи с обществом и государством. Несмотря на стремление государств к секуляризации, традиции и культура, а также некоторые религиозные движения и сообщества поддерживают религиозные модели поведения молодежи (Schmid, 2013). Религиозные представления являются существенными для повседневной жизни человека, а их изменения – чувствительными для индивида и его социального окружения. Особое значение имеют манипуляции представлениями верующих, в ходе которых насаждаются ложные убеждения о необходимости защиты религии и верующих (Christmann, 2012). Поэтому для изучения предпосылок религиозной радикализации целесообразно сфокусироваться на переживании верующей молодежью своей принадлежности к религиозному сообществу, а также связанных с ним представлений о роли религии, верующих и отношении к ним.

На основе анализа научных концепций, раскрывающих виды отношений к религии, нами была сформулирована теоретическая модель религиозной радикализации (схема).

Модель разрабатывалась на основе изучения теоретических исследований в области социологии религии и психологии верующих, а также ряда работ,

Схема. Теоретическая модель религиозной радикализации

Scheme. Theoretical model of freedom of radicalization

рассматривающих психологию радикальной личности. Кратко характеризуя их, отметим, что они не соотносятся с конкретным вероисповеданием или религией, а рассматриваются в качестве социально-психологических образований, присущих верующему, оказавшемуся в условиях негативного воздействия со стороны радикальных религиозных сообществ, групп, лидеров.

Сакрализация определяется как убеждение о значимости и важности религиозности для личности и общества, согласно которому верующие описываются более нравственными, чем неверующие, их поступки имеют большую значимость для общества, а поведение более конструктивно. В связи с этим утверждается, что религиозная молодежь обладает большей ценностью, чем их менее религиозные сверстники. Радикальная форма сакрализации выражается в признании исключительности верующих и сопровождается, как правило, обесцениванием неверующих, ограничением общения с ними либо, наоборот, активным вовлечением неверующих в определенную секту или движение (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022).

Клерикализация – убеждение о необходимости усиления роли религии в деятельности институтов государства и общества. Религия рассматривается в качестве основания общественной морали, культуры, правоотношений, системы образования и воспитания. Тенденции к клерикализации присутствуют в любой системе отношений государства и религиозных институтов (Мещерякова, 2021), однако радикальная клерикализация выражается в убежденности верующих в возможности полной замены светских институтов религиозными, отказа от научного познания в пользу религиозных догм. Примером такого отношения является ограничение или запрет верующим обращения за медицинской помощью, на осуществление операций, переливания крови, выполнение прививок (Чеповская, 2019).

Фундаментализм – убеждение в необходимости соблюдения норм, правил, исторически существовавших в определенной религии на начальных этапах ее развития. Стремление к фундаментализации возникает у верующих, исповедующих различные религии. По мнению А. А. Пелина, идеи христианского и исламского фундаментализма тождественны друг другу в части стремления защитить и восстановить религиозные ценности, понимаемые как значимые для индивида и общества, в условиях модернизации общественных отношений (Пелин, 2018). Однако радикальная форма фундаментализма характеризуется враждебным отношением к новым религиозным практикам, отрицанием или даже противодействием их осуществлению. Следует считать, что радикальный фундаментализм выходит за рамки консерватизма, он тоталитарен и бескомпромиссен, а средствами воплощения его целей может быть насилие (Степанова, 2008).

Ксенофобия – убеждение в необходимости защиты и противодействия внешнему воздействию на религию, религиозных лидеров или верующих. Ксенофобия является отличительной чертой деструктивных религиозных сообществ, используемой для убеждения адептов в необходимости совершения насильственных действий (Altemeyer, 2009; Beelmann, 2020). В мягкой форме ксенофобская модель поведения предполагает осуждение или отказ от взаимодействия с неверующими и представителями других религий, в радикальной форме она воплощается в экстремистских и террористических действиях (Bartlett, Birdwell, & King, 2010).

Социализация – убеждение в необходимости предпочтения религиозного обучения и воспитания. Подобная установка предполагает, что религиозное образование и культура более важны для личности, чем их светские альтернативы. В радикальной интерпретации религиозная социализация исключает возможность

получения светского образования, использования иных информационных, учебных или культурных материалов, кроме разрешенных религиозным лидером. Как правило, религиозная социализация присуща деструктивным сектам и нацелена на формирование соответствующего мировоззрения, ценностей и норм поведения (Bliesener, Schröder, & Lehmann, 2021).

Дискриминация – убеждение, обесценивающее неверующих или исповедующих другую веру. В деструктивных сектах или радикальных религиозных течениях верующим рекомендуется не поддерживать тесных отношений за пределами сообщества верующих. В радикальной форме дискриминация предполагает возможность неисполнения обязательств, обмана или предательства человека, не принадлежащего к определенной религии либо неверующего (Nesser, 2011). Поскольку общение или любые виды взаимодействия с окружающими людьми верующих зависят от их религиозной принадлежности, дискриминация ограничивает возможности взаимодействия с обществом пределами религиозной общины.

Как показывает анализ академической литературы, рассмотренные убеждения в совокупности характерны для участников радикальных религиозных сообществ. Однако до настоящего времени они не рассматривались в качестве признаков религиозной радикализации, а были описаны в качестве отдельных психологических особенностей верующих. В рамках проводимого исследования предполагается, что данные убеждения в совокупности отражают мировоззрение участника религиозного сообщества и выступают частью комплексного представления о себе как верующем, религии, других людях и обществе в целом, поэтому они описываются нами в виде составляющих модели религиозной радикализации. Восприятие данных убеждений и характер отношений между ними далее подвергается верификации через опрос религиозной молодежи.

Стоит отметить, что отдельные составляющие модели были эмпирически изучены в выборке киргизской и узбекской молодежи (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022). Для сбора информации была разработана анкета «Религиозная радикализация», содержащая утверждения по тематике сакрализации, клерикализации и ксенофобии. Проведенное исследование показало ее возможности для изучения радикальных религиозных убеждений, в том числе у лиц, готовых к совершению экстремистских действий. Однако проверка всех компонент теоретической модели не проводилась, как следствие, ее состоятельность не имела эмпирического подтверждения. В рамках статьи обсуждаются результаты решения данной задачи, приводящие к переосмыслению теоретических представлений о составляющих религиозной радикализации. Кроме того, в настоящее время в российской психо-

диагностической практике отсутствуют инструменты исследования радикализации, изучающие представления и убеждения молодежи относительно религии и ее значения в общественной жизни. В следующем разделе статьи представлены результаты разработки подобного инструмента исследования радикализации.

Эмпирическое исследование

Целью исследования выступила апробация модели религиозной радикализации российской молодежи и верификация опросника для ее измерения.

Ставились и решались две задачи: 1) эмпирическая проверка теоретической модели религиозной радикализации на выборках российской, киргизской и узбекской молодежи; 2) верификация опросника для изучения риска религиозной радикализации.

Гипотезами исследования являются предположения:

- о специфической структуре представлений (конструкте) о роли и значении религии в российской выборке в сравнении с киргизскими и узбекскими выборками;
- о способности русской версии опросника дифференцировать молодежь с разным уровнем религиозного самоопределения и религиозного поведения.

Для проверки гипотез использовались методы сбора информации и ее анализа.

Сбор данных осуществлялся с помощью специально разработанной анкеты «Религиозная радикализация» объемом 90 вопросов, сгруппированных в шесть шкал и соответствующих теоретической модели радикализации. Анкета была создана по причине отсутствия необходимых инструментов в российской психодиагностической практике. Она применялась для изучения субъективных представлений узбекской и киргизской молодежи о религии, с учетом культурной специфики и языковых особенностей. Утверждения (пункты) анкеты формулировались на основе теоретического анализа функций религии в общественной жизни, деятельности институтов государственной власти и местного самоуправления. Ранее проведенные исследования радикализации киргизской и узбекской молодежи показали ее состоятельность как в части изучения субъективных представлений, обуславливающих радикализацию, так и способности разделять обследуемых по уровню радикальности их взглядов (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022).

Текст анкеты выполнялся на русском, киргизском и узбекском языках, перевод осуществлялся носителями языка. Анкета выполнялась и предъявлялась обследуемым в электронной форме. Участие было добровольным. Перед началом исследования участникам предоставлялась информация о целях работы, характере вопросов, порядке заполнения, время исследования не ограничивалось. Незаполненные анкеты, а также анкеты, выполненные с нарушением ответов,

Таблица 1. Сведения о внутренней согласованности анкеты

Table 1. Information about the internal consistency of the questionnaire

№ п/п	Выборка	Характеристики анкеты			
		Описательная статистика пунктов анкеты	Внутренняя согласованность		
			Средние значения Альфа-Кронбаха	Средние значения межпунктовой корреляции	Надежность по расщеплению (нечетные и четные пункты)
1	Российская n=336 человек	Ср. знач. = 45,4, SD = 12,4, Shapiro-W, W= 0,988, p. = 0,16	0,88	0,35	Корр. частей = 0,71 Кронбах α = 0,85 Гутман G = 0,87
2	Киргизская n=268 человек	Ср. знач. = 44,7, SD = 12,5, Shapiro-W, W = 0,985, p. = 0,1	0,86	0,38	Корр. частей = 0,74 Кронбах α = 0,85 Гутман G = 0,84
3	Узбекская n=270 человек	Ср. знач. = 43,6, SD = 12,7, Shapiro-W, W = 0,984, p. = 0,07	0,87	0,37	Корр. частей = 0,75 Кронбах α = 0,81 Гутман G = 0,81

не рассматривались. Всего было исключено 4 анкеты (менее 0,1 % от общего числа полученных ответов).

Оценка согласованности ответов проверялась посредством: расчета показателя α Кронбаха; расчета корреляции между пунктами внутри шкал и суммарными показателями, а также путем сравнения ответов на нечетные и четные пункты анкеты (таблица 1).

Было установлено, что распределение ответов респондентов во всех национальных выборках соответствует закону нормального распределения. Анализ ответов на анкету показал, что анкета обладает достаточным уровнем внутренней согласованности, как с точки зрения их соответствия друг другу, так и в связи между пунктами. Удовлетворительные показатели внутренней согласованности были установлены при сравнении нечетных и четных пунктов анкеты в национальных выборках. Можно заключить, что вопросы понятны обследуемым, не побуждают к однозначным (радикальным) ответам. Содержание вопросов относится к единой смысловой области, а ответы на них согласованы между собой во всех выборках. Гомогенность пунктов позволяет рассматривать их в качестве эксплицитных переменных и изучать структуру отношений между ними, выявлять факторы, формирующие религиозные представления молодежи.

В структуру анкеты были включены два индикатора религиозности. Изучалось религиозное самоопределение («Верующий ли Вы человек?», применялась пятибалльная шкала ответов по типу Лайкерта, максимальное значение – 5, минимальное – 1), соответствие поведения религиозным стандартам («Следует ли Вы религиозным правилам (нормам)?», пятибалльная шкала ответов по типу Лайкерта, максимальное значение – 5, минимальное – 1) (таблица 2).

Анализ средних значений и распределения ответов респондентов на индикаторы религиозности показывает, что в российской выборке уровень религиозного самоопределения и соблюдения религиозного поведения ниже, чем в киргизской и узбекской выборках. Ответы российской выборки свидетельствуют о частичной самоидентификации, тогда как в других национальных выборках молодежь уверенно относит себя к категории верующих. Сходным образом выражено и религиозное поведение. В российской выборке оно проявляется в эпизодической поддержке религиозных правил и норм, тогда как киргизская и узбекская молодежь декларирует свою поддержку религиозного поведения. Характер распределения ответов, а также параметры согласованности находятся на приемлемом уровне, что позволяет в исследовательских целях рассматривать их в качестве индикаторов религиозности.

Для анализа данных исследования использовались методы описательной (дескриптивной статистики), конфирматорного факторного анализа.

Конфирматорный анализ применялся для: а) выявления структуры переменных (факторов), определяющих религиозные представления у российской, киргизской и узбекской молодежи; б) сравнения структур моделей, полученных в национальных выборках.

Анализ параметров модели осуществлялся расчетом максимального подобия (maximum likelihood), со стандартизацией всех переменных (Burne, 2016). Выбор процедуры обусловлен эффективностью ее применения для анализа данных, собранных посредством шкалы Лайкерта, а стандартизация обусловлена стремлением снизить уровень ошибок измерения, вызванных применением опросника в мультикультурных выборках (Maydeu-Olivares & D'Zurilla, 1995).

Таблица 2. Характеристики религиозности участников исследования

Table 2. Characteristics of religiosity of study participants

Выборка	Характеристики индикаторов религиозности		
	Религиозное самоопределение	Религиозное поведение	Показатели согласованности
Российская молодежь	Ср. знач. = 2,01, SD = 0,54, Shapiro-W, W = 0,42, p. = 0,01	Ср. знач. = 1,92, SD = 0,39, Shapiro-W, W = 0,56, p. = 0,01	Корреляция пунктов = 0,49 Кронбах α = 0,71
Киргизская молодежь	Ср. знач. = 3,16, SD = 0,47 Shapiro-W, W = 0,21, p. = 0,001	Ср. знач. = 2,08, SD = 0,41, Shapiro-W, W = 0,25, p. = 0,01	Корреляция пунктов = 0,51 Кронбах α = 0,72
Узбекская молодежь	Ср. знач. = 3,7, SD = 0,39, Shapiro-W, W = 0,11, p. = 0,001	Ср. знач. = 2,25, SD = 0,37, Shapiro-W, W = 0,31, p. = 0,01	Корреляция пунктов = 0,58 Кронбах α = 0,73

Однофакторный дисперсионный анализ использовался для выявления различий в показателях религиозной радикализации у лиц с разным уровнем религиозности (субъективно оцениваемой опрашиваемыми религиозного самоопределения и соблюдения норм религиозного поведения).

Описательная статистика выполнялась в статистической программе Statistica for Windows, конфирматорный факторный анализ в JASP.

Выборка исследования состояла из российской (n=336 человек), киргизской (268 человек) и узбекской (n=270 человек) молодежи, различающейся по уровню религиозности (таблица 3). Все опрошенные лица являлись обучающимися образовательных организаций высшего образования.

Объем выборки устанавливался с учетом требований, определяющих необходимое количество обследуемых для проведения процедур конфирматорного анализа (Myers, Ahn, & Jin, 2011), расчета согласованности (α -Кронбаха) и корреляционного анализа (van Voorhis & Morgan, 2007).

Результаты исследования

Результаты исследования отображаются согласно поставленным задачам.

Анализ представлений молодежи о религии и верующих в национальных выборках осуществлялся посредством конфирматорного факторного анализа. Для каждой выборки была получена своя модель отношений между вопросами анкеты. В ходе конфирматорного анализа часть вопросов была отброшена, а оставшиеся сгруппированы в виде факторов. При этом в ходе факторизации ни в одной выборке не сохранилась теоретическая структура религиозной радикализации. Полученные факторные структуры состояли из меньшего количества шкал. Например, структура российской и узбекской моделей включила три фактора радикализации, а киргизской – два. Названия факто-

Таблица 3. Половозрастная характеристика выборки

Table 3. Gender and age characteristics of the sample

Выборка	Количество человек	Возраст	Половой состав
Российская молодежь	336	Ср. знач.: 21,8 лет, SD = 2,38 лет	55,8 % мужчин
Киргизская молодежь	268	Ср. знач.: 20,2 лет, SD = 1,61 лет	60,1 % мужчин
Узбекская молодежь	270	Ср. знач.: 20,4 года, SD = 2,11 лет	56,6 % мужчин

ров установлены исходя из вопросов, вошедших в них с максимальным факторным весом. Характеристики моделей, рассчитанные в результате факторного анализа анкеты представлены в соответствующих таблицах (таблицы 4 и 5).

Модели радикализации обладают удовлетворительными формальными характеристиками (табл. 4). Так, отношение χ^2 / df во всех моделях не превышает 5, что говорит о простой структуре вопросов и шкал и достаточном соответствии модели эмпирическим данным (Alavi et al., 2020). Об этом же свидетельствуют показатели среднеквадратических ошибок аппроксимации (RMSEA, $0 < RMSEA < 1$), которые находятся в удовлетворительном диапазоне ($0,05 < p < 0,01$). В то же время более высокие значения χ^2 могут быть получены путем уточнения смысла утверждений в каждой из национальных выборок, а также увеличения количества опрошенных лиц.

Модели хорошо отражают структуру связи между вопросами, о чем говорят показатели сравнительного индекса соответствия (CFI, $0 < CFI < 1$), показывающие, что для русской и киргизской выборок качество связи приближается к высокому, а для узбекской – к удовлет-

Таблица 4. Характеристика моделей религиозной радикализации молодежи

Table 4. Characterisation of models of religious radicalisation of young people

Модели радикализации	Содержание модели		Структура модели				
	Описание модели	Названия факторов	Взаимодействие факторов	Est.	St.err	z	p
1. Выборка российской молодежи	Трехфакторная модель	Фактор 1. Секуляризация	Фактор 1 – 2	0,606	0,043	14,06	<0,001
		Фактор 2. Ксенофобия	Фактор 1 – 3	0,739	0,034	21,817	<0,001
		Фактор 3. Социализация	Фактор 2 – 3	0,504	0,053	9,05	<0,001
2. Выборка киргизской молодежи	Двухфакторная модель	Фактор 1. Секуляризация Фактор 2. Ксенофобия	Фактор 1 – 2	0,561	0,042	13,83	<0,001
3. Выборка узбекской молодежи	Трехфакторная модель	Фактор 1. Секуляризация	Фактор 1 – 2	0,667	0,063	10,800	<0,001
		Фактор 2. Ксенофобия	Фактор 1 – 3	0,844	0,031	29,115	<0,001
		Фактор 3. Дискриминация	Фактор 2 – 3	0,604	0,074	8,115	<0,001

Примечание: конфирматорный анализ выполнялся расчетом максимального подобия (maximum likelihood), со стандартизацией всех переменных.

ворительному. При анализе индекса Такера – Льюиса (TLI, $0 < TLI < 1$) можно заключить, что эмпирические модели лучше, чем нулевые модели воспроизводят информацию матрицы корреляций.

Решение второй исследовательской задачи заключалось в определении критериальной валидности опросника радикализации, разработанного для российской молодежи. Измерение проводилось посредством выявления значений показателей шкал опросника у молодежи с разным уровнем религиозного самоопределения и религиозным поведением. Оценка осуществлялась посредством однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA) (таблицы 6, 7).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработанный для русской выборки конструкт религиозной радикализации позволяет выявлять молодежь с высоким и низким уровнем религиозного самоопределения и религиозного поведения как на уровне суммарного показателя, так и по отдельным составляющим (шкалам). В частности, показатели размера эффекта (η^2) у лиц с высоким уровнем религиозности достигают статистически высоких значений ($0,14 < \eta < 0,139$). Соответственно, опросник обладает достаточным уровнем чувствительности по отношению к лицам с высоким уровнем религиозности.

Таблица 5. Статистика моделей религиозной радикализации молодежи

Table 5. Models statistics on religious radicalisation among young people

Модели радикализации	Параметры модели			Характеристики модели					
	χ^2	df	p	RMSEA	p	RMSEA CI, 90 %		TLI	CFI
						Нижний	Верхний		
1. Выборка российской молодежи	216,53	87	<0,001	0,067	p=0,008	0,056	0,078	0,95	0,949
2. Выборка киргизской молодежи	172,36	53	<0,001	0,079	p=0,001	0,078	0,089	0,947	0,946
3. Выборка узбекской молодежи	144,4	87	<0,001	0,070	p=0,054	0,049	0,09	0,946	0,937

Таблица 6. Различия показателей радикализации у молодежи с разным религиозным самоопределением (русская выборка)

Table 6. Differences in radicalisation indicators among young people with different religious identities (Russian sample)

Показатели	Религиозное самоопределение			
	Верующий	Неверующий	Характеристики различий	
	Ср. знач.; SD	Ср. знач.; SD	Статистики критерия	Эффект различий
Клерикализация	21,8; 4,71	16,1; 4,21	$F_{(2,108)}=23,7, p<0,001$	$\eta^2=0,141$
Дискриминация	17,2; 2,94	14,6; 4,56	$F_{(2,108)}=10,2, p<0,001$	h
Ксенофобия	15,2; 5,43	11,9; 4,13	$F_{(2,108)}=11,2, p<0,001$	h
Суммарный показатель	54,2; 6,55	42,5; 9,31	$F_{(2,108)}=25,8, p<0,001$	h

Примечание: дисперсии гомогенны (ср. знач. тест Ливена по показателям статистически незначимы $p=0,6$ и более).

Интерпретация результатов исследования

Проведенное исследование было направлено на эмпирическую верификацию конструкта религиозной радикализации, разработанного нами ранее на выборках киргизской и узбекской молодежи.

Теоретический анализ позволил выделить несколько факторов, обуславливающих религиозную радикализацию посредством искажения представлений молодежи о значении религии и положении верующих в обществе.

В ходе исследования на национальных выборах молодежи эти факторы были подвергнуты изучению

посредством анкетирования, а затем анализа мнений. С этой целью применялся метод конфирматорного факторного анализа традиционного инструмента изучения психологических явлений со сложной структурой. В рамках нашего исследования предполагалось, что религиозная радикальность обладает широким комплексом внешних проявлений и шестью обуславливающими их латентными факторами. Эмпирическое исследование частично подтвердило предположения, показав, что число латентных факторов меньше, чем предполагалось, а проявления, относимые нами к разным факторам, связаны между собой.

Таблица 7. Различия показателей радикализации у молодежи с разным религиозным поведением (русская выборка)

Table 7. Differences in radicalisation indicators among young people with different religious behaviour (Russian sample)

Показатели	Религиозное поведение			
	Соблюдающие религиозные нормы	Не соблюдающие религиозные нормы	Характеристики различий	
	Ср. знач.; SD	Ср. знач.; SD	Статистики критерия	Статистики критерия
Клерикализация	21,1; 4,93	13,5; 5,27	$F_{(2,112)}=38,9, p<0,001$	h
Дискриминация	17,1; 3,68	12,8; 4,74	$F_{(2,112)}=24,2, p<0,001$	h
Ксенофобия	15,2; 5,09	10,6; 4,49	$F_{(2,112)}=16,7, p<0,001$	h
Суммарный показатель	53,5; 9,11	37,1; 12,38	$F_{(2,112)}=40,9, p<0,001$	h

Примечание: дисперсии гомогенны (ср. знач. тест Ливена по показателям статистически незначимы $p=0,6$ и более).

В итоге, эмпирическую поддержку получила модель религиозной радикализации, содержащая три компонента (латентных фактора): 1) представление о необходимости увеличения роли религии в государственном управлении и общественной жизни (клерикализации); 2) признание приоритета верующих над неверующими (дискриминация); 3) защиту религии и верующих от посягательств (ксенофобии).

Таким образом, к основному результату исследования следует отнести коррекцию теоретической модели радикализации. Получило подтверждение о сопряжении различных аспектов радикализации, выразившееся в тесной взаимосвязи латентных факторов. Повидимому, на уровне субъективного представления религиозная радикализация может быть описана как сложный (многомерный) конструкт, включающий в себя комплекс взаимосвязанных убеждений о недооцененности религии в обществе, превосходстве верующих над неверующими, враждебном отношении к ним со стороны неверующих и необходимости защиты веры и верующих от внутренних и внешних вмешательств.

Сформированная эмпирическим путем структура утверждений отличается от теоретической во всех группах молодежи, подвергнутых исследованию. Общая тенденция заключается в объединении вопросов из нескольких факторов теоретической модели в один фактор эмпирической. Например, в первый фактор эмпирической модели для всех выборок вошли вопросы по тематике клерикализации (например, «Религиозные знания ценней для человека, чем научные?») и сакрализации верующих («Отказ от веры есть причина проблем нашего общества?»).

Убеждение в важности клерикализации выражается в пропаганде сверхценности религии для общества, приписывании религиозным деятелям, а также верующим способности разрешать конфликты и споры, исцелять заболевания, учить и воспитывать более эффективно, чем существующие государственные институты. Эта установка неизбежно приводит к усилению значения религии, формирует убеждение в исключительности верующих. При этом она обесценивает достижения науки, ценности образования и медицины.

Второй фактор модели включает убеждения, дискриминирующие неверующих в пользу верующих (например, «Верующему человеку Вы доверяете больше, чем неверующему?», «Основу общества составляют верующие люди?»). Дискриминационные убеждения находятся в тесной смысловой связи с убеждениями о клерикализации и сакрализации верующих. Они заключаются в убеждении о разной ценности верующих и неверующих людей для общества. В группах российской и узбекской молодежи дискриминация на религиозном основании выражается в предпочтении верующих и ограничении контактов с неверующими

людьми. Под влиянием этих убеждений верующие представляются людьми, заслуживающими особой поддержки, несущими большую ответственность перед обществом. Верующие выглядят более ответственными и нравственными людьми, простыми в общении и взаимодействии. Неверующие, напротив, характеризуются безответственными и аморальными, сложными в общении и взаимодействии.

Третий фактор модели включает установки на фундаментализацию («Считаете необходимым бороться с современным искажением религии?») и ксенофобию («Верующим необходимо защищать свою религию»). Следует отметить, что данный фактор образован из двух теоретических факторов – фундаментализма и ксенофобии. Фундаментализм характерен для определенной части верующих, негативно относящихся к изменениям, вызванным научно-техническим прогрессом и общественным развитием. Консервативные настроения верующих стимулируют дискуссии о необходимости соблюдения религиозных традиций, неприятия новых форм их воплощения и, как следствие, защите от изменений, вплоть до призывов к борьбе против вмешательства и новизны, т. е. ксенофобии.

Можно заключить, что прошедший эмпирическую проверку конструкт религиозной радикализации молодежи обладает измененной структурой, состоящей из убеждений о необходимости клерикализации, поощрения дискриминации неверующих и ксенофобии.

Вторым результатом эмпирического исследования стала валидизация российской версии опросника риска религиозной радикализации.

Опросник «Риск религиозной радикализации» ориентирован на изучение субъективных представлений молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет о религии и верующих. Он ограничен сферой представлений и убеждений опрашиваемого, т. е. знаний о религии и верующих и отношения к ним. Он не учитывает личностные особенности, факторы риска (травматический опыт) и иные характеристики, влияющие на переход от идеи к действию. Таким образом, методика ориентирована на изучение предпосылок к радикализации и не позволяет прогнозировать вероятность их воплощения. Содержание утверждений разработано на основе идей деструктивных и экстремистских религиозных сообществ, действующих в Киргизстане и Узбекистане.

В ходе исследования на выборке российской молодежи была определена конфигурация шкал опросника, а также утверждений, входящих в их структуру. Так, с позиции конфирматорного факторного анализа оптимальной структурой опросника следует считать совокупность трех шкал – «Клерикализации», «Дискриминации», «Ксенофобии» общим объемом 15 утверждений. Эта конфигурация обладает лучшим соотношением между объемом отражения информации, содержащейся в вопросах анкеты, и компакт-

ностью структуры, по сравнению с двухшкальным и одношкальным вариантами, рассчитанными, но не описанными в данной статье.

Утверждения, содержащиеся в шкалах, обладают удовлетворительной надежностью в аспекте внутренней согласованности. Они были установлены на российской выборке ($n=336$) посредством расчета коэффициента α -Кронбаха и корреляций между утверждениями шкал «Клерикализация» (Кронбах $\alpha = 0,89$, CI 95% от 0,87 до 0,91, $r=0,63$), «Дискриминация» (Кронбах $\alpha = 0,76$, CI 95% от 0,87 до 0,91, $r=0,38$), «Ксенофобия» (Кронбах $\alpha = 0,81$, CI 95% от 0,78 до 0,84, $r=0,46$).

Кроме того, в ходе исследования были получены данные о критериальной валидности опросника. В частности, установлена его способность дифференцировать лиц, обладающих высоким уровнем религиозного самоопределения и религиозного поведения, от лиц с низким уровнем религиозности. С учетом этого результата опросник может применяться для изучения субъективных представлений молодежи в возрасте от 16 до 30 лет о религии и верующих, выявлении убеждений об их значении в общественно-политической жизни страны, отношении к верующим и неверующим. Материал опросника представляется потенциально полезным для организации индивидуальной и групповой работы по предупреждению радикализации и формирования экстремистских убеждений в отношении религии и верующих.

Заключение

В статье описываются результаты анализа теоретической модели религиозной радикализации, выполненного на выборках российской, киргизской и узбекской молодежи, представляются эмпирические сведения о частичной поддержке структуры модели и необходимости уменьшения количества входящих в нее факторов.

Рассматриваются результаты разработки русскоязычной версии опросника «Риск религиозной радикализации», определены характеристики надежности по критерию внутренней согласованности, подтверждена его структурная валидность и частично получены сведения о критериальной валидности.

Полученные результаты нуждаются в теоретическом осмыслении и эмпирической проработке. В теоретическом аспекте актуальным представляется продолжение изучения феномена молодежной радикализации в области отношения к религии, в частности, разработке структуры радикализации и ее составляющих, отражающих современные дискуссии о стадийной природе радикализации, наличии социально-экономических, политических и культурных условий, способствующих ее формированию, индивидуально-психологических особенностей, обуславливающих восприимчивость к манипуляциям представлениями о религии.

В методологическом плане целесообразно поставить гипотезы о многомерном конструкте радикализации, поскольку в рамках данного исследования они не нашли своего продолжения, и конструкт радикализации выполнен монополярным. Вместе с тем существуют очевидные предпосылки изучать отношение к религии в диапазоне, ограниченном полюсами радикального принятия («фанатизма») и не менее радикального отрицания («воинствующего атеизма»).

В психометрическом плане материал опросника нуждается в дальнейшей апробации, выявлении характеристик внутренней и внешней валидности, выявлении ретестовой надежности и иных характеристик, свидетельствующих об устойчивости изменения. Для изучения конвергентной и экспертной валидности методика нуждается в сопоставлении с аналогичными инструментами для оценки риска радикального поведения (Quick Scan Radicaliserin; Islamic Radicalisation model; Significance Quest Assessment Test; Radicalisation Assessment Monitor; Terrorist Radicalisation Assessment Protocol-18) (van der Heide, van der Zwan, & van Leyenhorst, 2019).

Ограничения исследования. Опросник представляется для использования в научно-исследовательских целях, среди которых изучение представлений молодежи о религии, верующих, отношении к ним. Опросник не включает пунктов измерения социальной желательности, искренности или мотивации обследуемых.

Текст опросника

1. Справедливо ли утверждение о том, что отказ от веры есть причина проблем нашего общества?
2. В современном мире вера нуждается в защите?
3. Искренно верующий человек всегда будет Вашим другом?
4. Следует ли считать положения веры выше закона?
5. В наше время следует ли ограждать молодежь от искажений религии?
6. С верующим человеком Вам легче общаться, чем с неверующим?
7. Считаете ли Вы, что спасти общество может только религия?
8. Считаете необходимым бороться с современным искажением религии?
9. Мысли верующего человека Вам проще понять, чем неверующего?
10. Полагаете ли Вы, что верующий должен быть примером для неверующих людей?
11. Полагаете ли Вы, что верующий должен защищать веру от современных искажений?
12. Должна ли современная культура быть связана с религией?
13. Только верующие люди способны спасти наше общество?
14. Сейчас оберегать веру должен каждый верующий человек?
15. Основу общества составляют верующие люди?

Шкала для регистрации ответов:

1 балл – «полностью согласен»; 2 балла – «скорее согласен»; 3 балла – «не уверен»; 4 балла – «скорее не согласен»; 5 баллов – «полностью не согласен».

Интерпретация результатов: ответы на утверждения, входящие в шкалы, суммируются.

Шкала «Клерикализация»: утверждения 1, 4, 7, 10, 13.

Шкала «Ксенофобия»: утверждения 2, 5, 8, 11, 14.

Шкала «Дискриминация»: утверждения 3, 6, 9, 12, 15.

Общий балл подсчитывается путем суммирования ответов на все вопросы.

Значения стенов

Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Клерикализация	5-6	7-9	10-12	13-15	16-17	18-19	20-21	22-23	24	25
Ксенофобия	5	6	7-8	9-11	12-13	14-16	17-19	20-21	22-23	24-25
Дискриминация	5-6	7-8	9-10	11-12	13-15	16-17	18-19	20-22	23-24	25
Общий показатель	15-20	21-27	28-35	36-40	41-46	47-50	51-54	55-60	61-64	65-75

Примечание:

1. Значения в диапазонах 1–3 стенов следует характеризовать как высокие проявления убеждений относительно измеряемых компонент радикализации. Значения в диапазонах 7–10 стенов свидетельствуют о низком уровне радикальных убеждений.

2. Необходимость дополнительного изучения представлений о религии и верующих вследствие возможного риска радикализации целесообразно оценивать по результатам расчета общего показателя опросника, значения которого должны составить 2 стенов и менее.

Список литературы

- Бовина, И. Б., Бовин, Б. Г., Тихонова, А. Д. (2020). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I). *Психология и право*, 10 (3), 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Давыдов, Д. Г., Хломов, К. Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 14 (1), 78–97.
- Злоказов, К. В., Караяни, А. Г., Прокурова, Н. С. (2022). Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 27 (3(90)), 246–256. <https://10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>
- Карапетян, А. А., Тагильцева, Ю. Р. (2017). Принцип интолерантности как психологическая основа экстремистского дискурса: коммуникативные тактики и приемы дискредитации «врага». *Политическая лингвистика*, 6 (66), 235–240.
- Тагильцева, Ю. Р., Бабинова, М. Р., Ваторопин, А. С., Злоказов, К. В., Лату, М. Н., Порозов, Р. Ю. (2022). *Когнитивные интернет-технологии трансформации социального поведения: риски и профилактика*: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. EDN HLAUOV.
- Кузьмин, А. В. (2009). *Феномен деструктивности новых религиозных движений*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород.
- Мещерякова, А. Ф. (2021). Россия: путь к светскости или клерикализации общества и государства? *Lex russica (Русский закон)*, 74 (10), 85–99. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.179.10.085-099>
- Пелин, А. А. (2018). Исламский и христианский фундаментализм в постсекулярном обществе. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 24, 87–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.87>
- Рягузова, Е. В. (2021). Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 21 (1), 78–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>
- Степанова, Е. А. (2008). Фундаментализм и мания идентичности. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 8, 94–116.
- Ситяева, С. М., Яремчук, С. В. (2019). *Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи*: монография. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.
- Чеповская, А. (2019). По аяту на брата: как секта из Казахстана поработила умы россиян. *Известия*. URL: <https://iz.ru/883682/anastasiia-cherovskaia/po-aiatu-na-brata-kak-sekta-iz-kazakhstan-porabotila-umy-rossian>.
- Alavi, M., Visentin, D. C., Thapa, D. K., Hunt, G. E., Watson, R., & Cleary, M. (2020). Chi-square for model fit in confirmatory factor analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 76 (9), 2209–2211. <https://doi.org/10.1111/jan.14399>.
- Altemeyer, B. (2009). Why Do Religious Fundamentalists Tend to be Prejudiced? *The International Journal for the Psychology of Religion*, 13 (1), 17–28. https://10.1207/S15327582IJPR1301_03
- Bartlett, J., Birdwell, J., & King, M. (2010). The edge of violence: A radical approach to extremism. *Demos*, 5, 75.
- Beilmann, A. (2020). A social-developmental model of radicalization: A systematic integration of existing theories and empirical research. *International Journal of Conflict and Violence*, 14 (1). <https://10.4119/ijcv-3778>
- Bélanger, J. J., Moyano, M., Muhammad, H., Richardson, L., Lafrenière, M.-A. K., McCaffery, P., Framand, K., & Nociti, N. (2019). Radicalization Leading to Violence: A Test of the 3N Model. *Frontiers in psychiatry*, 10, 42. <https://10.3389/fpsy.2019.00042>
- Bliesener, T., Schröder, C., & Lehmann, L. (2021). Pathways to radicalization in adolescence: The development of ideological beliefs, acceptance of violence, and extremist behavior. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 104 (3), 231–242. <https://10.1515/mks-2021-0124>
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd ed.). New York: Routledge.
- Christmann, K. (2012). *Preventing religious radicalisation and violent extremism: A systematic review of the research evidence*. Youth Justice Board. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/396030/preventing-violent-extremism-systematic-review.pdf
- Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. (2002). Self and Social Identity. *Annual review of psychology*, 53, 161–186. <https://10.1146/annurev.psych.53.100901.135228>
- Evers, F., Klötzer, J., Seifert, A. C., & Somfalvy, E. (2018). *Civilian Prevention of Radicalization in Central Asia*. CORE Working Paper.

- Ghosh, R., Chan, W. Y. A., Manuel, A., & Dilimulati, M. (2017). Can education counter violent religious extremism? *Canadian Foreign Policy Journal*, 23 (2), 117–133. <https://doi.org/10.1080/11926422.2016.1165713>
- Hogg, M. A. (2021). Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 32 (2), 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
- Kruglanski, A., Jasko, K., Webber, D., Chernikova, M., & Molinario, E. (2018). The Making of Violent Extremists. *Review of General Psychology*, 22 (1), 107–120. <https://doi.org/10.1037/gpr0000144>
- Kuchkarov, R. (2020). Ideological Threats in Uzbekistan: Recent History and Modern Techniques. *Religación*, 5 (25), 315–322. <https://doi.org/10.46652/rgn.v5i25.694>
- Maydeu-Olivares, A., & D’Zurilla, T. J. (1995). A factor analysis of the social problem-solving inventory using polychoric correlations. *European Journal of Psychological Assessment*, 11 (2), 98–107. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.11.2.98>
- Matveeva, A. (2018). Radicalisation and Violent Extremism in Kyrgyzstan: on the Way to the Caliphate. *The RUSI Journal*, 163 (1), 30–46. <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1453013>
- Myers, N. D., Ahn, S., & Jin, Y. (2011). Sample size and power estimates for a confirmatory factor analytic model in exercise and sport: A Monte Carlo approach. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 82 (3), 412–423. <https://doi.org/10.1080/02701367.2011.10599773>
- Nesser, P. (2011). Ideologies of Jihad in Europe. *Terrorism and Political Violence*, 23 (2), 173–200. <https://doi.org/10.1080/09546553.2010.537587>
- Roffey, S., & Boyle, C. (2018). Belief, belonging and the role of schools in reducing the risk of home-grown extremism. In K.-A. Allen & C. Boyle (Eds.), *Pathways to belonging: Contemporary research in school belonging* (pp. 149–165). Brill Sense. https://doi.org/10.1163/9789004386969_009
- Schmid, A. P. (2013). Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. *The International Centre for Counter-Terrorism - The Hague*, 4 (2). <https://doi.org/10.19165/2013.1.02>
- van Voorhis, C. R. W., & Morgan, B. L. (2007). Understanding power and rules of thumb for determining sample sizes. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*, 3 (2), 43–50. <https://doi.org/10.20982/tqmp.03.2.p043>
- van der Heide, L., van der Zwan, M., & van Leyenhorst, M. (2019). The Practitioner’s Guide to the Galaxy - A Comparison of Risk Assessment Tools for Violent Extremism. *International Centre for Counter-Terrorism*. <http://www.jstor.org/stable/resrep29450>
- Wolfowicz, M., Litmanovitz, Y., Weisburd, D., & Hasisi, B. (2020). A field-wide systematic review and meta-analysis of putative risk and protective factors for radicalization outcomes. *Journal of Quantitative Criminology*, 36 (3), 407–447. <https://doi.org/10.1007/s10940-019-09439-4>

References

- Bovina, I. B., Bovin, B. G., Tihonova, A. D. (2020). Radikalizaciya: social’no-psihologicheskij vzglyad (Chast’ I). *Psihologiya i pravo*, 10 (3), 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Davydov, D. G., Hlomov, K. D. (2017). Metodika diagnostiki dispozicij nasil’stvennogo ekstremizma. *psihologicheskaya diagnostika*, 14 (1), 78–97.
- Zlokazov, K. V., Karayani, A. G., Prokurova, N. S. (2022). Radikalizaciya predstavlenij molodezhi o roli religii v obshchestve metodami kognitivnoj vojny. *psihopedagogika v pravoohranitel’nyh organah*, 27 (3(90)), 246–256. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>
- Karapetyan, A. A., Tagil’ceva, Yu. R. (2017). Princip intolerantnosti kak psihologicheskaya osnova ekstremistskogo diskursa: kommunikativnye taktiki i priemy diskreditacii «vruga». *Politicheskaya lingvistika*, 6 (66), 235–240.
- Tagil’ceva, Yu. R., Babikova, M. R., Vatoropin, A. S., Zlokazov, K. V., Latu, M. N., Porozov, R. Yu. (2022). *Kognitivnye internet-tehnologii transformacii social’nogo povedeniya: riski i profilaktika*: monografiya. Ekaterinburg: Ural’skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. EDN HLAUOV.
- Kuz’min, A. V. (2009). *Fenomen destruktivnosti novyh religioznych dvizhenij*: avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk. Belgorod.
- Meshcheryakova, A. F. (2021). Rossiya: put’ k svetskosti ili klerikalizacii obshchestva i gosudarstva? *Lex russica (Russkij zakon)*, 74 (10), 85–99. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.179.10.085-099>
- Pelin, A. A. (2018). Islamskij i hristianskij fundamentalizm v postsekulyarnom obshchestve. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, 24, 87–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.87>
- Ryaguzova, E. V. (2021). Razryv svyazej v reprezentacijah vzaimodejstviya YA – Drugoj kak prediktor ekstremistskogo povedeniya. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 21 (1), 78–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

- Stepanova, E. A. (2008). Fundamentalizm i maniya identichnosti. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 8, 94–116.
- Sityaeva, S. M., Yaremchuk, S. V. (2019). *Sub'ektivnye i ob'ektivnye prediktory ekstremistskih ustanovok molodezhi*: monografiya. Komsomol'sk-na-Amure: Amurskij gumanitarno-pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet.
- Chepovskaya, A. (2019). Po ayatu na brata: kak sekta iz Kazahstana porabotila umy rossiiyan. *Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/883682/anastasiia-chepovskaia/po-aiatu-na-brata-kak-sekta-iz-kazahstana-porabotila-umy-rossiiyan>.
- Alavi, M., Visentin, D. C., Thapa, D. K., Hunt, G. E., Watson, R., & Cleary, M. (2020). Chi-square for model fit in confirmatory factor analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 76 (9), 2209–2211. <https://doi.org/10.1111/jan.14399>.
- Altemeyer, B. (2009). Why Do Religious Fundamentalists Tend to be Prejudiced? *The International Journal for the Psychology of Religion*, 13 (1), 17–28. https://10.1207/S15327582IJPR1301_03
- Bartlett, J., Birdwell, J., & King, M. (2010). The edge of violence: A radical approach to extremism. *Demos*, 5, 75.
- Beelmann, A. (2020). A social-developmental model of radicalization: A systematic integration of existing theories and empirical research. *International Journal of Conflict and Violence*, 14 (1). <https://10.4119/ijcv-3778>
- Bélanger, J. J., Moyano, M., Muhammad, H., Richardson, L., Lafrenière, M.-A. K., McCaffery, P., Framand, K., & Nociti, N. (2019). Radicalization Leading to Violence: A Test of the 3N Model. *Frontiers in psychiatry*, 10, 42. <https://10.3389/fpsy.2019.00042>
- Bliesener, T., Schröder, C., & Lehmann, L. (2021). Pathways to radicalization in adolescence: The development of ideological beliefs, acceptance of violence, and extremist behavior. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 104 (3), 231–242. <https://10.1515/mks-2021-0124>
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd ed.). New York: Routledge.
- Christmann, K. (2012). *Preventing religious radicalisation and violent extremism: A systematic review of the research evidence*. Youth Justice Board. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/396030/preventing-violent-extremism-systematic-review.pdf
- Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. (2002). Self and Social Identity. *Annual review of psychology*, 53, 161–186. <https://10.1146/annurev.psych.53.100901.135228>
- Evers, F., Klötzer, J., Seifert, A. C., & Somfalvy, E. (2018). *Civilian Prevention of Radicalization in Central Asia*. CORE Working Paper.
- Ghosh, R., Chan, W. Y. A., Manuel, A., & Dilimulati, M. (2017). Can education counter violent religious extremism? *Canadian Foreign Policy Journal*, 23 (2), 117–133. <https://10.1080/11926422.2016.1165713>
- Hogg, M. A. (2021). Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 32 (2), 235–268. <https://10.1080/10463283.2020.1827628>
- Kruglanski, A., Jasko, K., Webber, D., Chernikova, M., & Molinaro, E. (2018). The Making of Violent Extremists. *Review of General Psychology*, 22 (1), 107–120. <https://10.1037/gpr0000144>
- Kuchkarov, R. (2020). Ideological Threats in Uzbekistan: Recent History and Modern Techniques. *Religión*, 5 (25), 315–322. <https://doi.org/10.46652/rgn.v5i25.694>
- Maydeu-Olivares, A., & D'Zurilla, T. J. (1995). A factor analysis of the social problem-solving inventory using polychoric correlations. *European Journal of Psychological Assessment*, 11 (2), 98–107. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.11.2.98>
- Matveeva, A. (2018). Radicalisation and Violent Extremism in Kyrgyzstan: on the Way to the Caliphate. *The RUSI Journal*, 163 (1), 30–46. <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1453013>
- Myers, N. D., Ahn, S., & Jin, Y. (2011). Sample size and power estimates for a confirmatory factor analytic model in exercise and sport: A Monte Carlo approach. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 82 (3), 412–423. <https://doi.org/10.1080/02701367.2011.10599773>
- Nesser, P. (2011). Ideologies of Jihad in Europe. *Terrorism and Political Violence*, 23 (2), 173–200. <https://doi.org/10.1080/09546553.2010.537587>
- Roffey, S., & Boyle, C. (2018). Belief, belonging and the role of schools in reducing the risk of home-grown extremism. In K.-A. Allen & C. Boyle (Eds.), *Pathways to belonging: Contemporary research in school belonging* (pp. 149–165). Brill Sense. https://doi.org/10.1163/9789004386969_009
- Schmid, A. P. (2013). Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. *The International Centre for Counter-Terrorism - The Hague*, 4 (2). <https://doi.org/10.19165/2013.1.02>
- van Voorhis, C. R. W., & Morgan, B. L. (2007). Understanding power and rules of thumb for determining sample sizes. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*, 3 (2), 43–50. <https://doi.org/10.20982/tqmp.03.2.p043>

van der Heide, L., van der Zwan, M., & van Leyenhorst, M. (2019). The Practitioner's Guide to the Galaxy - A Comparison of Risk Assessment Tools for Violent Extremism. *International Centre for Counter-Terrorism*. <http://www.jstor.org/stable/resrep29450>

Wolfowicz, M., Litmanovitz, Y., Weisburd, D., & Hasisi, B. (2020). A field-wide systematic review and meta-analysis of putative risk and protective factors for radicalization outcomes. *Journal of Quantitative Criminology*, 36 (3), 407–447. <https://doi.org/10.1007/s10940-019-09439-4>

Информация об авторе:

Злоказов Кирилл Витальевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.04.2023

Одобрена после рецензирования 10.05.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Kirill V. Zlokazov – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 17, 2023

Approved after reviewing May 10, 2023

Accepted July 28, 2023